

— Ну, неправда, я, когда работаю, все время лишний раз сюда забегаю. Имя у вас необычное, Генриетта.

— Да что же необычного, родители так назвали, говорили, что означает оно «благородная красавица». Я правда в молодости хороша была, кавалеры просто толпой за мной ходили, — старушка лукаво зажмурилась, вспоминая далекие дни. — Да, все поменялось вокруг, теперь вместо поклонников — больничная койка, на которой даже не могу удержаться. Остается только жить воспоминаниями, это теперь и есть наша жизнь, — в ее словах была мудрость, которая открывала просторства времен, от которых захватывало дух и начинало биться сердце. Генриетта словно сама не ходила в другом месте и другом времени.

— Что толку от ваших воспоминаний, недовольно сказала Глафира. — Ну что же тут прошлое толчет?

— Вам не нравится ваше прошлое? — с улыбкой спросила Генриетта. Юля наблюдала за их разговором с интересом. — Я люблю возвращаться в то время, когда я была молодой, когда меня любили, любила я. Вы помните похуже, а все плохое выкиньте из памяти, и становится легче.

— Не надо копаться в прошлом, ни к чему хорошему это не приведет! — уверенно произнесла Глафира Сергеевна. — Мы тут с вашей предшественницей тоже все прошлое вспоминали, она истории рассказывала из своей жизни.

— Смешные истории?

— Почему смешные? Жизненные. Она парикмахером работала, модным мастером была.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Синдром выгорания любви

Людмила
ФЕРРИС

— О, знаю я этих парней! Создания бедняки.

— Значит, было за что убить!

— Да вы, может, и слышали!

Она говорила, что красивый такой мужик был, видный. Об этом весь город судачил.

— А фамилия у него какая была? — спросила Юлька.

— Гулько его фамилия. Мне Паша много раз эту историю рассказывала.

— А-а-а, это тот, что из торгова? — небрежно спросила Генриетта. — Он всегда подозрительными замочками был окружен.

— Почему подозрительный? — не выдержала Юля.

— Да потому, что это ненормально, когда мужчину везде сопровождают хорошие женщины, — назидательно сказала Генриетта. — Слишком большие соблазны.

— Это правда, того и гляди, какая-нибудь молодуха привяжется, — Глафира снова вспомнила свою семейную драму.

— А что, Прасковья Петровна дружила с женой Гулько?

— Да там какая-то мутная история была, один раз мне так рассказала, другой раз по-другому. Да и вообще, за неделю до смерти она заявила, что дух Гулько к ней приходил. Нервничала она в вечер, уснуть не могла.

— Господи, что же мертвые успокаиваются! — плеснула руками Генриетта. Зачем к бедной женщине приходите?!

— Мне вот и кажется, что неспроста она погибла. Убили ее.

— Ну, скажете тоже! — удивилась Генриетта. Она

Журналистское расследование (Эксмо)

Людмила Феррис

Синдром выгорания любви

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Феррис Л.

Синдром выгорания любви / Л. Феррис — «Эксмо»,
2018 — (Журналистское расследование (Эксмо))

ISBN 978-5-04-096341-6

В доме престарелых произошел пожар. Экспертиза показала, что одна из погибших на самом деле была убита – кто-то, воспользовавшись суматохой, задушил пожилую женщину. Поскольку в городе уже давно ходили слухи о том, что директор этого учреждения обирает своих подопечных и производит странные манипуляции с их квартирами, корреспондент городской газеты Юлия Сорнева решила убить сразу двух зайцев – провести журналистское расследование обоих горячих дел. Для этого она устроилась в дом престарелых санитаркой и принялась изнутри разведывать обстановку. Вскоре Юлия узнала так много, что даже пожалела об этом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096341-6

© Феррис Л., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Людмила Феррис

Синдром выгорания любви

© Феррис Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Что не хочешь помнить, то всегда помнишь.

Р. Брэдбери

Наши дни.

Прасковье Шукиной не спалось: может, за день скопилось напряжение, да еще не давали покоя больные суставы – артроз. Сколько она всяких мазей на колени перемазала – не счесть, ничего не помогает, да и не поможет, наверное, помирать с артрозом придется. Прасковья повернулась и вытащила из тумбочки красную упаковку с мазью.

– Сейчас я вас натру как следует, – сказала она вслух своим коленкам.

По коридору кто-то шаркал тапочками, кашлял и чихал.

– Ну нет сегодня покоя, – это проснулась соседка по палате Глаша, Глафира Сергеевна.

– Нет покоя, – согласилась Прасковья. – Я вот тоже не сплю, колени замучили, уж потерпи, Глаша, мазь пахучая.

– Да знаю я твою мазь, провоняла вся комната.

Прасковья мазала колени сильно, до боли, растирая руками опухшие суставы.

– Зря ты мучаешься, только мазь переводишь. Пора уже нам на тридцать третий собираться.

Тридцать третьим в народе называли кладбище, – почему две тройки так провинились перед людьми, уже никто не помнил.

– Я еще хочу пожить, Глаша.

– А я не хочу, по-твоему? Но вот еле вчера до столовой дошла, совсем ноги отказывают.

Такие разговоры в городском доме престарелых были делом обыденным, привычным, как и разговоры о болезнях – о чем же еще говорить старикам, если организм в таком возрасте дает сильные сбои, но, как говорит медсестра Нина, если что-то с утра болит, радуйтесь: значит, вы живы.

Тапочки в коридоре зашаркали теперь в другую сторону.

– Алексеич, что ли, по коридору ходит? – поинтересовалась Глаша.

– Не, Алексеич пятками сильно стучит, а этот шаркает. Нинка поди новые тапочки купила.

За годы пребывания в доме престарелых они научились по шагам в коридоре определять людей.

– Не, какие-то странные шаги. Словно кто-то крадется. А кто может быть? Новеньких не было. Нинка сегодня дежурит, а значит, у всех наших судно у кроватей, чтобы по коридору не шастали, – уверенно говорила Глаша.

– Да дались тебе эти шаги! Давай лучше спать.

Прасковья закончила натирать колени, и ей показалось, что боль отступила. Но она знала, что ощущение это было обманчивым, через десять минут суставы «закрутит» снова, и спасение было только в одном – успеть заснуть, пока мазь действует. И колени крутит, и душу выворачивает, достает до самых глубин. Прошлое не отпускает и не отпустит, пока ты за него держишься. В прошлом было все – хорошая работа, друзья, успех и выбор, который она сделала. Теперь прошлое давит, не дает покоя, и тяжесть эту не сбросить, – не с Глафирой же поделиться?! А может, и рассказать, легче станет, и видения прекратят ее мучить?

– Расскажи что-нибудь из своей жизни, все равно сон не идет, – Глаша села на кровати.

Вспоминать о прошлом было самым интересным занятием в доме престарелых – многим хотелось снова заглянуть в ту жизнь, что ушла безвозвратно, но, казалось, пронизывала маленькие комнаты казенного заведения тонкими нитями волшебного покрывала памяти.

- Не даешь мне сегодня уснуть, Глафира!
- Так это не я, а твои коленки.
- Что правда, то правда. Да я уже про свою жизнь многое рассказала!
- Ну, а про эту, свою клиентку, что мужа зарезала, так и недослушала я, уснула.
- Про Клару Андреевну, что ли? Нехорошая это история.

Прасковья Петровна Щукина всю свою сознательную жизнь отработала парикмахером, дружила со своими клиентками, была в курсе их личной жизни. Паша считала, что язык ее кормит так же, как и руки, – умела она разговорить клиенток. Ведь умение общаться намного важнее идеально выполненной стрижки. На Пашином рабочем месте, в парикмахерской, на контакт с мастером дамы шли легко, расслаблялись под жужжащий звук фена и рассказывали ей про себя, про свою личную жизнь, про мужа и любовника. Но для того, чтобы достичь такой откровенности, требовалось не только профессиональное умение, но и способность сочувствовать, сопереживать чужим историям. Прасковья была модным мастером, клиенты стояли в очередь, но для «своих» у нее всегда находилось время. Избранные дамы приносили не только деньги, но и обладали связями и, в свою очередь, помогали Прасковье в решении многих бытовых вопросов, например, помогли устроить сына в детский сад. Но среди избранных клиентов Клара Андреевна Гулько была особняком, сама по себе – яркая такая индивидуальность. Главное дело ее жизни – быть женой успешного бизнесмена и руководителя городской торговли Александра Гулько. Клара Андреевна уделяла много времени своей внешности, ходила по салонам красоты, но «такие руки, как у Прасковьи, не променяла бы ни на кого». Клара всегда была с прической – модной и стильной стрижкой. Первое время она с высокомерием разговаривала и общалась с Пашей, а потом, визит за визитом, ледок в отношениях таял, и Клара Андреевна стала доверять своему мастеру не только создание шедевров красоты на голове, но и душевные истории. Историй было не то чтобы много, но Прасковья знала и о привычках мужа, и о зависти подруг, и о покупке новых сапог. Она всегда восхищалась Klarой – клиентка была женщиной необыкновенной красоты.

– Ты говорила в прошлый раз, что Клара эта, твоя клиентка, мужа своего убила.

– Убила, зарезала в приступе ярости, – не любила Прасковья вспоминать эту историю. Всю правду рассказывать нельзя, да и кому она нужна, эта проклятая правда?! – Изменил он ей, застучала она мужа своего с бабой, молодой, красивой. Приехала без предупреждения на квартиру, а он там, в кровати с молодой. Деваха сбежала, пока Клара буйствовала.

– Девахе надо было догнать и тоже прирезать, – цокнула языком Глаша. – Прилипчивые эти наглые молодые, одна такая у меня в цехе мужа и увела. Может, мне надо было тоже его убить – и ее и его, а я плакала сутками, переживала.

Глаша вспомнила свою невеселую историю про мужа-изменника, и от таких воспоминаний сразу стало мутно на душе. Легче только от того, что она не одинока: всем изменяют мужья – и красивым, и некрасивым.

– Ну, что там дальше?

– Да как в кино! Схватила нож, ударила мужа. Потом Клара сама вызвала «Скорую», милицию. В общем, такая явка с повинной. Она мне тоже позвонила, просила дочку на время забрать. Я ее просьбу выполнила, но потом передачи ей не носила. Не знаю, как она там, в тюрьме, была.

– А муж-то?

– Умер, не приходя в сознание. Кларе дали двенадцать лет. Я не была на суде, газеты потом писали. Скандальная история получилась, неприятная. Адвокат ее хороший защищал, доказывал, что совершила она убийство в состоянии аффекта. Клара, наверное, уже на свободу давно вышла.

– Так ты ее больше не видела?

– Я же потом в другую парикмахерскую перешла работать. Да и прическа ей за ненадобностью.

– А что же ты не поинтересовалась, как у нее жизнь дальше сложилась? Дочка ее как? Кто мужа хоронил?

– Давно это было. Спи, Глаша, покойников к ночи мы начали вспоминать не к добру. Запах какой-то странный из коридора идет. Чуешь?

Прасковья накинула халат и пошла в коридор. Пахло дымом.

– Эй, кто там курит!?! – крикнула Паша. Курение в коридоре строго запрещалось. Ночной медсестры на месте не было.

– Куда они все подевались? – бормотала Прасковья Петровна и шла на запах дыма, который становился все сильнее и сильнее. За дальней дверью коридора явно что-то горело. Коленный сустав заломило так сильно, что Шукина захромала.

Как не вовремя, хотя разве может коленка своевременно заболеть? Дым, который уже было видно, стелился по полу и отвоевывал себе пространство метр за метром. Ей показалось, что за дверью кто-то есть.

– Эй, кто там?! Что за пожар?! – она дернула за ручку двери. Человек за дверью не спешил отзываться.

– Что вы тут делаете? Кто вы?

Фигура, окутанная дымом, медленно развернулась, и Прасковья удивленно произнесла.

– Ты? Ты как здесь? Что ты тут делаешь? – сказать больше не получилось, потому что она почувствовала, как шею сильно сдавило. Прасковья одновременно ощутила ужас, боль и провалилась в темноту. Человек оттащил тело женщины в угол, посмотрел, как огонь бежит по коридору и начали гореть стулья.

Пламя играло языками, поднимаясь все выше и выше в коридорную пустоту, заглядывая в каждую дверь.

Глава 2

«Как слышится, так и пишется» – правило русского языка.

Наши дни.

С утра загудела сирена, ее вой был слышен во всех уголках города. В редакции, как по команде, зазвонили все телефоны: горожане жаждали знать, что происходит.

– Вы не знаете, с какого перепуга сирена орет? – возмутился мужской баритон.

Юля Сорнева, журналист местной газеты «Наш город», не имела ни малейшего представления о происхождении тревожного сигнала, но уверенно отвечала: «Плановые учения по ГО и ЧС. Не волнуйтесь».

После десятого звонка она решила все же узнать истинное положение дел.

– Мила Сергеевна! Скажите, почему сирены все утро гудели? Если это учения, то почему нам информацию в редакцию не сообщили? Я, по крайней мере, ничего не знаю об этом, но всем беспокоившимся говорю, что это учения.

Ответственный секретарь газеты Мила Сергеевна была главным редакционным источником информации. Это словно для нее двести лет назад произнес крылатую фразу английский бизнесмен Натан Ротшильд: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Конечно, о существовании Милы Ротшильд не подозревал и распорядился информацией умело, когда раньше всех получил известие о разгроме Наполеона при Ватерлоо, что позволило ему заработать сорок миллионов фунтов стерлингов на Лондонской бирже. Мудрость английского бизнесмена, правдивость сказанных им слов всегда были на вооружении у Милы Сергеевны. Информационные потоки стекались к ней, словно рыбки к прикормленному месту, поэтому она знала почти все и успешно с этим управлялась.

– Отвечаешь ты, Юлечка, правильно. Только по секрету скажу, что сами геочээсники удивились утренней сирене, а значит, ничего о ней не знали. Но всем официально объявили, что это были плановые учения. Неразбериха для нас – дело обычное. Что там в системе оповещения вдруг сработало и она сама по себе включилась – одному богу известно.

– Ну и ладно, – отмахнулась Юлька. – Лишь бы ничего страшного не случилось.

– А ты, между прочим, знаешь, куда надо бежать, если сигнал сирены настоящий?

– Не знаю, – разочарованно сказала Юлька. – Даже как-то не задумывалась об этом.

– А у меня в доме бомбоубежище есть, так что, Сорнева, можно ко мне бежать. Но я знаю, почему сирена могла гудеть, пожар сегодня страшный был – горел дом престарелых, люди погибли. Жалко стариков, они, немощные, сами спастись не в состоянии. Пожарные поздно приехали. В общем, трагедия.

Юлька представила, как старики пытались выбраться из горящего здания, и содрогнулась.

– Господи, как это страшно – старость, немощность, когда сам себе не можешь помочь! – Только бы не ей досталась эта тема – писать про пожар в доме престарелых. Но стоило об этом подумать, как Юля услышала голос главного редактора Егора Петровича Заурского:

– Сорнева, зайди ко мне!

Егор Петрович в местной журналистике был непререкаемым авторитетом. Когда-то в юности, попробовав силы в журналистике, он остался верен профессии навсегда. Местная газета была его любовью, его жизнью, его зеркалом, потому что главный редактор, хочешь не хочешь, но является соавтором всех без исключения материалов. Если издание плохое, смотрите, кто главный редактор.

– Писать надо о людях, – утверждал Заурский. – А то посмотришь телевизор и складывается впечатление, что у нас в стране живут только политики, преступники и гламурная богема.

Сегодня Егор Петрович был расстроен, и Юлька это видела.

- Что-нибудь случилось?
- Пожар в доме престарелых. Люди погибли.
- Да мне уж Мила Сергеевна сказала.
- Юль, я предлагаю тебе за эту тему взяться!
- Егор Петрович, может, колонкой новостей обойдемся? Там же все ясно – пожар, наверное, какая-нибудь старая проводка загорелась. Жалко бабушек-дедушек.
- Там не все просто, девочка моя.

У главреда всегда были свои источники информации. Рядовой журналист, чтобы быть в курсе событий, ходит на брифинги, пресс-конференции, читает пресс-релизы, а главреду Заурскому словно кто-то ежечасно подгоняет информационные потоки, а он только выбирает из них самое-самое. Свои источники информации Егор Петрович никогда не раскрывал, это и законом определено – защищать информисточники, и по журналистским понятиям разумно. Информация в его случае никогда не была поводом для шантажа, а использовалась исключительно в профессиональных целях.

– За нашим домом престарелых уже давно «присматривали»: поговаривали, что директор его, Антонина Михайловна, обирает стариков, она знает, где хранятся у них похоронные накопления, и как только человек отдает богу душу, а там это не редкость, Антонина первой заходит в его комнату и забирает деньги. Кроме того, предполагается, что там существуют манипуляции с квартирами стариков.

- В общем, пожар не был случайностью, – подытожила Юля.
- Очень похоже на то. Но есть еще одно обстоятельство. Во время пожара погибло несколько человек, а одна старушка умерла насильственной смертью.
- В смысле?
- Как слышится, так и пишется, Сорнева. Убили бабушку.
- Да ну, Егор Петрович! Когда пожар, всегда много путаницы. Может, на вашу бабушку горящая свая упала?
- Юля! Бабушка не моя, и горящая балка на нее не падала. Задушили ее.
- Вот это да!
- Поэтому ты возьмешься за материал, и, конечно, тут нельзя с плеча рубить, а во всем необходимо разобраться.
- А ее точно задушили?
- Журналист Сорнева, я когда-нибудь давал тебе информацию, которая не соответствовала бы действительности?
- Никогда, Егор Петрович, никогда с вами такого не случалось!

Юля вернулась к себе в кабинет озадаченная. Ей было понятно только одно – материал должен затрагивать серьезные социальные вопросы, а факты, что лягут в основу сочинения, должны быть достоверными. Следствие вряд ли поделится с ней информацией, а тиражировать домыслы и догадки никто ей не позволит. В первую очередь ей нужен герой, та самая женщина, которую убили. Сорнева пока ничего не знает о ней, но почему-то она оказалась в доме престарелых. Кому помешала бабушка – божий одуванчик?

Юля решила начать сбор информации со статистики и ужаснулась – дома престарелых горели по всей России, от средней полосы до Дальнего Востока. Каждый раз это были десятки жертв и различное количество предположений, почему так происходит. Журналисты, писавшие на эти темы, утверждали, что в нашей стране каждый восьмой дом-интернат для инвалидов и престарелых не отвечает требованиям противопожарной безопасности, а по данным облстатистики почти сорока процентам населения страны требуется постоянный уход, но поддерживать в домашних условиях старого и больного человека всегда очень тяжело. Мила Сергеевна, заглянувшая в Юлькин кабинет, не удержалась от колкостей.

- Ну что, любимица главреда, получила персональное задание?

– Ой, Милочка Сергеевна, кто же любимицам задание про жуткие трагедии дает?

– Про дом престарелых будешь писать? – сочувственно произнесла ответсек.

Юлька молча кивнула, а Мила Сергеевна продолжала:

– Правильно говорят, что старость не радость, а долгая старость – это всегда немощь и скверный характер. С возрастом, увы, никто не становится мудрее, все изъяны вылезают наружу. У меня такая свекровь была у Мужа Два. – Ответсек газеты Мила Сергеевна замужем была несколько раз и своих мужей называла по номерам, – Муж Раз, Муж Два, Муж Три. Следовательно, свекровей у нее тоже было несколько – по количеству мужей.

– Если помощь какая будет нужна – обращайся. Ты ведь, Юлька, совсем молодая, а молодость старость не поймет, не потому, что ты глупенькая какая, а потому, что молодые не дозревают, что ли, до такого понимания.

– Милочка Сергеевна, что же вы меня раньше времени пугаете? Да и не про старость я буду писать, а про пожар в больнице. Согласитесь, что есть разница?

Юля Сорнева не предполагала, как она заблуждалась.

Глава 3

Директор – такой же человек, как все остальные, только он об этом не знает.

Р. Чандлер

Наши дни

Антонине Михайловне Котенковой нравилось быть директором дома престарелых, нравилось – и точка. Чтобы взойти на эту высокую, по городским меркам, ступеньку, ей потребовались годы и годы. После окончания медицинского института она три года тихо просидела в поликлинике на приеме терапевтом, а потом решила, что скромность для продвижения по должности совсем не уместна. Серую мышку на рабочем месте никто не заметит и повышение не предложит. Так и будешь сидеть за своим столом до самой пенсии, это факт, и Антонина решила действовать. Первое, с чего надо было начать, – совершенствовать свои профессиональные навыки, и Антонина начала учиться на всевозможных курсах повышения квалификации: на бесплатных – за счет больницы, на платных – за счет мужа, который не только хорошо зарабатывал, но и все свободное время посвящал сыну.

Главный врач поликлиники Виктор Петрович Селезнев, мужчина в годах, отметил инициативу старательного молодого врача, которая постоянно подходила к нему советоваться. Он видел, что Антонина Котенкова владеет многими навыками и умеет подстраиваться под любые ситуации, не терять своего лица и достойно справляться со сложными задачами.

– Вы очень перспективный врач, – как-то сказал Селезнев комплимент.

– Спасибо, мне очень приятно это слышать, – она зарделась румянцем.

– Из вас получится хороший руководитель, – обнадежил он.

– Я думаю, что не доживу до этого дня, – мрачно пошутила Котенкова.

– Это еще почему, Антонина Михайловна?

– Конкуренция высокая, все руководящие места заняты, а когда они освободятся, я буду совсем старой.

– Вы меня насмешили, – он посмотрел на нее поверх очков. – Хорошо, я что-нибудь придумаю для вас. Молодежь нужно продвигать.

Антонина почувствовала, что она оказалась в нужном месте в нужное время.

Должность, которую ей предложили через месяц, – заместитель главного врача по мобилизационной работе и гражданской обороне. Не бог весть что, решила она, но кабинет был отдельный, работа руководящая и ответственная. Первые два месяца Антонина основательно изучала должностную инструкцию, правила и нормы охраны труда, нормативные акты и прочие необходимые документы. Но была одна значительная деталь, которая во многом снижала значимость ее работы: готовиться к чрезвычайным ситуациям в поликлинике никто не хотел. На ее активную деятельность коллеги посматривали иронично и предложений по развитию и совершенствованию деятельности учреждения здравоохранения в условиях ЧС не делали. Впрочем, Антонине Котенковой этого и не требовалось, она справлялась сама – писала отчеты, ездила на конференции и даже выступала с докладами. Главный врач всегда хвалил ее, как публично, так и на совместном чаепитии, была у них такая совместная традиция. Ввела эту традицию, конечно, Антонина, которая однажды, будто случайно, задержалась после планерки и смущенно предложила:

– Может, чаю выпьем? Мне очень надо посоветоваться с вами.

– Если вам удобней советоваться за чаем, то, конечно, – улыбнулся Виктор Петрович. Ему нравилась молодая женщина, и ее общество было приятным.

– В отрасли объявлены Дни гражданской обороны, нас просят участвовать. Я даже план набросала, вот, посмотрите, – она пододвинула ему листок.

– А где у нас аварийно-спасательные формирования?

– Их нет. Но они должны участвовать в отраслевом соревновании.

– То есть, я правильно понимаю, Антонина Михайловна, таких отрядов у нас не существует, но мы должны обеспечить их участие в соревнованиях?

– Да, правильно, – она потупила взгляд. – Что же делать?

– А у нас есть договор с пожарной частью на медицинские осмотры?

– Есть! – она отрапортовала бойко.

– Ну давайте сделаем к нему дополнительное соглашение, что пожарные берут над нами шефство и выступают за нас в этих соревнованиях. Годится?

– Виктор Петрович, вы гений! Вы спасли нашу поликлинику и меня!

– Ну, мне особенно приятно ваше спасение. – Главврачу нравилось, что в глазах молодой заместительницы он выглядел всемогущим.

С тех пор почти после каждой планерки Антонина задерживалась на чай, минут на двадцать. Разговор всегда был душевный и немного двусмысленный, с нескромными намеками и касаниями. Котенкова понимала, что дело медленно, но верно идет «к постели». Она не выражала бы иметь главврача в любовниках. А что, дело хорошее, он сможет обеспечить ей более интересную работу, чем написание отчетов о несуществующих мероприятиях. Но однажды события повернулись по неожиданному сценарию: Виктора Петровича Селезнева отправили на пенсию. Тоня злилась.

– Старый маразматик. Чай он, видишь ли, распивал со мной! Советы свои давал! Да кому нужны его советы! Советник, тоже мне! Наверное, как мужчина уже не может ничего, оттого на советы его только и хватает, – злилась она.

Котенкова предполагала, что произойдет дальше. Новый главврач, как это обычно бывает, приведет новую команду управленцев, и ее престижное и уже полюбившееся место будет занято какой-нибудь пронырливой дамочкой. Но Виктора Петровича она недооценила, в свой последний рабочий день он пригласил ее в кабинет и ласково погладил по коленке.

– Антонина, хочу предложить тебе подумать над новым местом работы – директора дома престарелых.

– Виктор Петрович, вы за что меня так? Штрафная площадка?

– Ты подумай, не кипятись! Это самостоятельный участок, специфический, правда, но самостоятельный. У меня бывшая пациентка работает начальником управления городской социальной защиты, им директор нужен, медик к тому же по образованию.

– Там же маразматиками одни!

– Все мы когда-то будем маразматиками, нас ждет либо Паркинсон, либо Альцгеймер. Ты это знаешь не хуже меня, просто ты еще молода, и старость кажется такой далекой. Вспомнишь потом мои слова! Я тебе советую туда пойти.

«Нужны мне ваши советы», – подумала про себя Антонина, но его руку с коленки не убрала – старик может еще ей пригодиться, – а вслух произнесла:

– У меня есть время подумать?

– Пара дней, не больше. Позвонишь мне, если решишься, а если нет, так нет.

Когда на следующий день коллективу поликлиники представили нового главного врача – ярко окрашенную истеричную брюнетку с надменным выражением лица, Котенкова сразу поняла: предложение стать директором дома престарелых она примет, потому что с этой дамочкой они не сработаются. Дома она впервые поделилась своими планами с мужем, который не только ее не понял, но и удивился.

– Глупо уходить с работы из-за какой-то тетки. Первое впечатление может быть обманчивым.

– Это не тетка, это новый главврач, и мы с ней не сработаемся.

– Да с чего ты так решила? – Муж работал в проектной организации, имел дело с чертежами, а не с людьми, и не представлял, как это можно – не сработаться с кем-то. Нужно уметь договариваться, не строить из себя крутого специалиста, как это делает его жена, а просто работать, доказывать, что ты – профессионал.

Антонина мужа выслушала, но решение приняла сама и через несколько дней вышла на работу в должности директора дома престарелых. От воспоминаний, связанных с прошлой работой, она избавилась без сожаления, как врач избавляется от использованной медицинской маски после закончившейся эпидемии гриппа. Виктору Петровичу Селезневу в ее жизни места теперь тоже не было.

Антонина ни разу не пожалела о сделанном выборе и всем своим восьмидесяти подопечным старалась быть надеждой и опорой. Новая работа открыла перед ней новые перспективы, о которых она раньше и не догадывалась, а также новые финансовые возможности.

Котенкова хорошо помнила тот день, когда она впервые вошла в этот казенный дом. Все ей казалось мерзким и ужасным: залитые водой стены, сломанные и пропахшие гнилью унитазы, грязное и вонючее белье, но в этом бедламе она сумела выжить, состояться и вывести когда-то убогое заведение в лучшее учреждение края.

Не такой был характер у Антонины Котенковой, чтобы сдаваться, и теперь, чтобы попасть в дом престарелых, нужно было стоять в очереди. Конечно, пенсионеры предпочитают провести старость дома, в своих стенах, но случается и так, что у пожилого человека нет детей или близких родственников, которые могут обеспечить должный уход. В городском отделе социальной защиты всегда можно было написать заявление и предоставить пакет документов для того, чтобы встать на очередь в дом престарелых, но дальше назначалась специальная комиссия, в обязанности которой входила проверка условий жизни пенсионера. Если комиссия подтверждала, что пожилой человек не способен ухаживать за собой самостоятельно, то выдавалось заключение и направление на пребывание в означенном казенном учреждении. Дальше бал правила Антонина Михайловна Котенкова, и стать жителем дома для стариков можно было только при ее согласии, а его получить было сложно. Она в обход комиссий делала так, что окончательное решение всегда оставалось за ней.

Находились даже такие, что писали на нее жалобы, мол, шантажирует директриса стариков, заставляет подписывать «дарственные» на квартиры, но свидетелей и подтверждения этому не было.

– Наши клиенты – народ особенный, с возрастными фантазиями, – утверждала Антонина и любила добавлять: – Это я вам как медик говорю.

Спорить с ней и возражать никто не собирался. С медиками, как с судом, не поспоришь. Медику всегда виднее.

Глава 4

Много чаешь, да ничего не знаешь.
Поговорка

28 лет назад

Лучше всего парикмахеру Прасковье Шукиной удавались женские стрижки. Сама она называла себя женским мастером, мастером на все руки. Сделать окрашивание волос, уложить в кудри длинные волосы, сделать прическу Паша тоже могла, но по стрижке она давала фору любому.

– И как это у тебя получается?

Прасковья смеялась:

– Девчонки, секрет я знаю! Самая коммерческая – какая, по вашему мнению, стрижка?

– Ну, это как посмотреть! Какой-нибудь «боб» или «каскад»!

– Вот в том-то и дело, что нет! Самая коммерческая – это простая стрижка. Подровнять косу ученице до уровня лопаток – это тоже простая стрижка, значит, простая стрижка – самая что ни на есть народная.

– Что-то я не помню у тебя народных стрижек, – фыркнула сменщица Лена.

– Ты плохо смотришь! Стихия локонов и волн берет начало в простой стрижке! Это тебе не обрезка кустарника, Леночка! – парировала Прасковья Петровна, намекая на последнюю жалобу недовольной клиентки, которую стригла Лена. Прасковья клиентку успокоила, чуть подровняла ей волосы и убедила жалобу в отдел по защите прав потребителей не писать.

В свою работу Паша была влюблена, ее руки легко порхали над головой клиента, словно сами собой расчесывая, отделяя, срезая пряди. Она никогда не контролировала свою позу во время работы, манипуляции рук, наклоны, потому что знала, что работает без усилий, с интересом и любовью. Клиенты это чувствовали, понимали и ни на кого не хотели променять «свою Пашечку». Клара Андреевна Гулько сначала не была ее клиенткой, а ходила в парикмахерскую только на маникюр, но потом как-то сказала:

– Красиво работаешь, Прасковья Петровна, любо-дорого посмотреть!

– Можно просто Паша, – откликнулась мастер.

– Хорошо, Паша, – улыбнулась женщина.

Клара Андреевна была завидной клиенткой. Муж у нее работал в торговле, жену баловал, одета она была как игрушечка, к тому же денег на себя не жалела.

– Сделаете мне завтра стрижку?

– Нет проблем!

Так впервые Клара оказалась в кресле у Шукиной, и уж Паша расстаралась. Дамочка осталась довольна, и теперь к списку важных Пашиных клиенток добавилась еще одна – Клара Андреевна Гулько.

Обычно женщины приходят в салон перед каким-то новым, поворотным событием, например перед свадьбой, при переходе на новую работу, то есть тогда, когда жизнь вступает в новую фазу и дамочка должна выглядеть так, чтобы все окружающие просто остолбенели при ее появлении. Такая клиентка смотрит на мастера, как на чародея, потому что его искусство имеет сильное влияние на женскую судьбу. Мастер должен угадать желание клиента, его суть, определить имидж: продавщицу нельзя подстричь как директора школы. Чтобы разгадать эти загадки, у парикмахера должна быть развита интуиция, без нее в профессии делать нечего – пустой звук, как будто звенят парикмахерские ножницы, звенят, но никого не стригут. У Прасковьи Шукиной интуиция была, и она позволяла ей не только видеть затылком, но и мгновенно ориентироваться в ситуации, чтобы обстоятельства работали на мастера, а не наоборот.

Клара Андреевна относилась к клиенткам другого направления – постоянным, но и отличалась от них тем, что в разговоры особо не вступала.

О чем говорят женщины в парикмахерской? Да о чем угодно! Когда колдуют над твоей головой, хочется расслабиться, поленившись, получить удовольствие от того, что за тобой ухаживают. Бывало, за смену можно услышать от клиенток всякое: про сложности с бывшими и нынешними мужьями, о ложной беременности у собаки, о нерадивом враче и о том, что волосы на бровях стали расти в другую сторону.

Прасковья обычно улыбалась приветливо, поддакивала, кивала, всем своим внешним видом проявляя заинтересованность. Она очень любила рассказывать старый анекдот про парикмахера, который дважды порезал клиента и пытается развлечь его разговорами:

– Вы уже у нас были когда-нибудь?

– Нет, – спокойно отвечает клиент. – Ногу я потерял на войне.

Прасковья сама весело смеялась над своим же рассказом, но вот Гулько рассказать этот глуповатый анекдот она не посмела. Ей хотелось, чтобы у клиентки не было ощущения, что обслуживается она в дешевой парикмахерской. Прасковья знала, как и с кем себя вести.

Клара Андреевна была исключением из правил – она вроде как и не молчала, но из ее рассказов Паша никак не могла уловить главное: что Клара делает целыми днями. Ведь скучно это – не ходить на работу, лежать на диване, уставившись в телевизор. Даже если ты целый день проводишь в косметическом кабинете, времени остается очень много. Прасковья Петровна любила, чтобы день был разложен по полочкам: утром сына – в школу, мужа – на работу, сама тоже на работу, а если выпадала вторая смена, то занималась домашними делами, а их, как известно, никогда не переделать. Клара Андреевна охотно поддерживала разговор о современной моде, о том, каким шампунем лучше мыть голову, но как только разговор заходил о доме, замолкала. Прасковья была женщиной любопытной, и когда понимала, от каких тем уклоняется клиентка, то любопытство начинало ее раздражать, и создавалось впечатление, что здесь имеется какая-то тайна. Это шептала Пашина интуиция, шептала тихо, на ушко, только ей одной, подогревая еще больше женский интерес. Тайна окружала семейную жизнь Клары Андреевны. В ее глазах была такая тоска, что обмануть Прасковью досужими разговорами было нельзя. В парикмахерской про постоянных клиенток знали многое, вот только про Гулько – чуть-чуть: муж у нее – важная шишка и зарабатывает так хорошо, что жене может позволить сидеть дома и заниматься только собой. Однажды Прасковья все-таки не выдержала и задала вопрос, который ее мучил.

– Кларочка Андреевна, вам не скучно дома?

– Нет, милая, мне не скучно.

– Если бы я не работала, то не знала бы, чем заняться.

– Это тебе так только кажется. У меня очень много дел.

– Кларочка Андреевна, у каждой женщины дела всегда найдутся. Ну вот, например, вы проснулись, и что же вы делаете дальше? Думаете, чем заняться? Или у вас каждый день распланирован – массаж, парикмахерская, бассейн? Чем-то вы себя занимаете ведь целый день?

Расческа, которую держала в руках Прасковья, просто парила над Клариной головой, прикасаясь то к затылку, то к макушке, то к вискам, и Клара Андреевна расслабилась, и ее словно на мгновения подменили. Она вдруг сказала:

– А ты приходи ко мне завтра утром. У тебя ведь смена с обеда. Считай, что это вызов парикмахера на дом, – дочку мою пострижешь.

– А у вас есть дочь? – удивилась Паша. – А лет ей сколько?

– Познакомишься завтра, – уклончиво ответила Клара Андреевна.

К десяти утра Прасковья звонила в дверь, обтянутую дорогим дерматином. На звонок открыли быстро, и молодая девушка в строгом синем платье приветливо улыбнулась:

– Вы к Кларе Андреевне? Проходите. Сейчас я позову хозяйку.

Прасковья видела дорогие квартиры, но в этой квартире все было по высшему разряду. Стены холла, переходящего в гостиную, были украшены рельефным цветочным орнаментом. Тонкая художественная роспись в гостиной была выполнена золотистой краской, поэтому она выглядела парадной и нарядной.

– Нравится? – Клара Андреевна подошла незаметно.

– Конечно! – с восторгом сказала Паша. – Такая красотища! Невозможная красотища! Это же сказка у вас, Кларочка Андреевна, а не квартира! В такой жить да радоваться.

Кофе они пили на кухне, да не из банки, растворимый, к которому она привыкла в своей парикмахерской, а настоящий, из кофемашины. Такую машину Паша прежде не видела, слышала от клиентов о такой диковинке, но вот чтобы сидеть на белоснежной кухне, вдыхать аромат кофейных зерен и пить настоящий кофе – это впервые. Она ощущала себя не парикмахершей по вызову, а важной гостьей, и ей очень нравилась белая кухня, цветы и свечи в изящных бокалах, расставленные повсюду.

– Клара Андреевна, ну просто праздник вы мне сегодня устроили! Спасибо большое, – Паша расчувствовалась. – Дочку вашу подстригу бесплатно, так сказать, за доставленное удовольствие.

– Я сейчас позову Сашеньку.

В комнату вошла маленькая сухонькая старушка с необыкновенным лицом. Ее бледная кожа была истончена до такой степени, что сквозь нее просвечивали кровеносные сосуды. По сравнению с туловищем голова была очень большой, а лицо, наоборот, очень маленьким с мелкими-мелкими, словно «птичьими» чертами и таким же маленьким, острым подбородком. Косматые пряди волос едва доставали до плеч.

– Это моя дочь Александра, – представила старушку Клара Андреевна.

Прасковья так растерялась, что не могла сказать ни слова. Девочка-старушка смотрела на нее пронзительно-грустным взглядом. Словно в каком-то тумане, Паша услышала слова Клары Андреевны:

– У дочери редкая болезнь – прогерия, преждевременное старение.

Глава 5

*Немой караул закричал, безногий на пожар побежал.
Поговорка*

Наши дни

Так сложилось, что журналист Юлия Сорнева была далека от темы домов престарелых: социальные темы не были ее коньком. Материалы, которые она писала, были о людях ярких, интересных, так сказать, героях своего времени. Встречались среди ее статей и запутанные детективные истории, центром которых оказывались люди, о которых она рассказывала. Каждый раз Юлька находила выход из замысловатых ситуаций, а герои ее материалов, в эти хитро-сплетения попадая, иногда оказывались то Персеями, то Святогорами, а то и Соловьями-разбойниками. Старух и стариков среди них не было. И дело совсем не в том, что журналист Сорнева не почитала преклонный возраст, а в том, что она боялась себе признаться – старость ее страшила. Ведь в молодости кажется, что это состояние вечно, впереди еще много времени, которое исчисляется не годами – десятилетиями. Старость была каким-то абстрактным, мифологическим будущим – тревожным, смутным, зловещим, ускользающим. У старости не было привлекательного облика с маленьким домиком за городом, путешествиями, утренним чаем на веранде, она ассоциировалась со стонами умирающей бабушки, запахом лекарств и беспомощностью окружающих. Юльке казалось, что старость наступает внезапно, точно так же, как зима – раз, и пришла. О ней все знают заранее, но подготовиться почему-то не успевают. Во все эти сказки про то, что «осень жизни, как и осень года, надо не скорбя благословить...» она не верила, но редакционное задание – дело святое, и отступить было некуда.

– Что имеем на сегодня?! – Она была в редакционном кабинете одна и могла себе позволить размышления вслух. – Акт о пожаре – это раз. – И в этом «раз» указано, когда был зафиксирован пожар, когда пожарная бригада вызвана и прибыла на место и даже какие средства пожаротушения использовались. Что же касается причины пожара, то она уложила в штампованную фразу: «Причина пожара устанавливается».

«Ну вот!» – Юля не на шутку расстроилась.

Самого важного в акте не было. Далее отмечалось количество жертв при пожаре, и была отметка, что дело передано следователю при районном Отделе внутренних дел.

Ни слова о том, что кого-то убили, не было. Может, у главреда информация неверная? Нет, такого быть не может! Заурский никогда не доверял «туманным» источникам, а знал все наверняка. Сорнева начнет с того, что встретится со следователем, чтобы получить ответ на вопрос: какова причина пожара? Кто виноват в происшествии? Она по прошлым историям знала, что задача следствия – не установка причины пожара, а наличие умысла в его возникновении. То есть им важно кто, а не как. Дела по поджогам имеют малый процент раскрываемости, и дела эти следователи не любят, стараются быстрее закрыть, порой с формулировкой «за отсутствием подозреваемого лица». Вот такие перспективы.

– Ты еще здесь? – в кабинет заглянула корректор Надя Метеля.

– Что значит – еще? – удивилась Юлька. – Я никуда не собиралась. Сижу, обдумываю, как к дому престарелых подобраться. Пока не придумала.

– Да, сложная это работа – из болота тащить бегемота. Там бегемот – ого-го, директриса, на козе не подъедешь.

– А ты откуда знаешь? – удивилась Юля.

– Знаю. Земля слухами полнится, – уклончиво ответила Надя.

– А у меня даже слухов нет. Просто задание главреда, обязательное к исполнению.

– Статью когда сдашь? В этот номер?

– Нет, не в этот точно. К следующему постараюсь.

Утром Юлька все-таки приняла решение ехать на интервью прежде к директрисе, а не к следователю. Следователи с журналистами общаются неохотно, информацией не делятся. Не может ведь журналист Сорнева взять и выдать свой источник и ляпнуть вот так запросто: мне наш главред Заурский шепнул, что бабушка умерла не своей смертью.

Нет, в такие игры она не играет и поэтому разведку проведет с другого конца. А вообще она правильно определила свою задачу – разведка, только информационная, где из обрывков фраз, домыслов, намеков, окончаний и вздохов надо собрать важную и ценную информацию, соответствующую реалиям. Это была ее журналистская работа, и работу свою Юлия любила.

Директор дома престарелых Антонина Михайловна Котенкова не выразила восторга от предложения дать интервью.

– У нас горе, понимаете! – с придыханием говорила она по телефону. – Пожар унес десятки жизней, комиссия работает, а вы со своим интервью. Как не стыдно!

На такое «слабо» Сорневу было не взять. Как не понимают эти чиновнички, начальнички, что нет такого понятия у журналиста – «стыдно, неловко». Журналист – проповедник, звонарь, плакальщик и судья. Его первая обязанность – говорить правду и проверять факты. Правду в этом случае придется вытаскивать клещами.

– Мне не стыдно! – отчеканила Юля. – Это вам должно быть стыдно отнекиваться от встречи. Такая трагедия, такое горе (Юлька точь-в-точь повторила интонацию директрисы), горожане переживают, сочувствуют, хотят узнать, как вы там. Может, какая помощь нужна?

В общем, через полчаса журналист Сорнева сидела в кабинете директора Антонины Котенковой и задавала свои вопросы. Юля сразу поняла, что Котенкову она раздражает и была бы ее, котенковская, воля, с удовольствием выставила бы журналистку за дверь. Антонине Михайловне совсем не нравились задаваемые вопросы, и она пыталась перехватить инициативу.

– Это просто несчастный случай. Короткое замыкание. Проводка старая, вот и закоротило.

– А что, есть заключение экспертов? – невинно поинтересовалась Юля.

– Будет, – отрезала Котенкова. – У нас, между прочим, проблем своих хватает. Санитарки увольняются, мыть в палатах некому. Где людей брать? – перевела разговор на другую тему Антонина.

– Ну, наверное, директор должен кадрами заниматься.

– Директор всем все должен, только ему никто. Вот взять пожарных. Воды у них не хватило, где это видано?!

– Да и к зданию они подъехать нормально не могли – там у вас не развернуться. Машины из соседних жилых домов стоят.

– У нас не предполагалось широкой подъездной дороги, и я же не могу людям запретить ночью машины ставить.

– А надо запретить! У вас что, городская стоянка? Вот наличие машин и затруднило работу пожарных.

– Пожар произошел ночью, – уже успокоившись, говорила Котенкова. – Люди в возрасте, они сразу не поняли, в чем дело, началась паника. Десять человек погибли. Очень жаль всех. Мы сейчас похоронами занимаемся. Медсестру, которая дежурила ночью в отделении, надо бы уволить, чтобы все вздохнули, что виновного нашли. Только где я медсестер возьму? Старики ведь очень капризные, по ночам у них бессонница, они любую медсестру задергают. А Нина Александровна – женщина душевная, безотказная, ее наши обитатели любят. Да, она дежурила во время пожара, но это только совпадение. В эту ночь могла работать любая медсестра. Кстати, очереди на работу сюда нет. А про версии следствия мне ничего не известно, со мной только

беседовали. Про короткое замыкание – это мои умозаключения, предположения, а может, дело в окурке. Там разберутся. У меня в ближайшее время похороны и ремонт.

– Много придется восстанавливать?

– Треть здания выгорела. Мы сейчас всех в одно крыло переселили. Администрация обещает помочь – денег на ремонт выделить, на непредвиденные ритуальные услуги тоже спонсорская помощь обещана. Выкрутимся.

– А сколько лет вы здесь работаете?

– Столько, сколько не живут. Извините, мне очень некогда.

По длинному коридору дома престарелых передвигалась женщина в инвалидной коляске и, завидев Юлю, протянула к ней сухие ручки и жалобно спросила:

– Вы ко мне пришли? За мной?

Юлина провожатая махнула на старуху рукой.

– Ну что ты ерунду несешь, Лиза, – и, обращаясь к Юле, пояснила: – Не обращайтесь внимания, у них через одного болезнь Альцгеймера – старческое слабоумие.

Юля еле сдерживала слезы.

Материал в следующую газету, конечно, она напишет, строк сто, не больше – маленькую заметку. В проблемы дома престарелых нужно вгрызаться, внедряться, и одного поверхностного интервью недостаточно. Наверное, Антонина перекрестилась, когда Сорнева ушла. Но она еще не знает, что Юлька просто так, на полдороге ничего не бросает. Она теперь точно знает, как будет действовать, и это Котенкова, сама не предполагая, помогла ей, подсказала.

Глава 6

Возраст – мерзкая вещь, и с каждым годом она становится все хуже.
Д. Купер

Наши дни.

Надежда Метеля часто оставалась на работе: что ей делать дома, одной? С котом разговаривать? Так он человеческого языка не понимает, ему только «Кити-кэт» подавай. Нажуется своего кошачьего лакомства и скачет по дивану. Кот, конечно, существо живое, и без него, единственного обитателя квартиры, не считая ее, хозяйки, была бы совсем тоска зеленая. А на работе она всегда загружена. Бог обделил ее талантом писать тексты, зато корректор, то есть на латыни «человек, исправляющий ошибки», она отличный. Любой письменный текст, которому суждено увидеть свет в газете, должен быть изложен безукоризненно грамотно. Журналисты напрасно надеются на какие-то компьютерные программы с функцией правописания, лучше корректорской правки нет ничего. Нет у Метели доверия к корреспондентам: перепутают они фамилию известного государственного деятеля, а это ни больше ни меньше попахивает скандалом.

Каждый день корректор Надежда Метеля должна быть бдительна, потому что журналисты так и норовят что-нибудь отчебучить. Вот буквально вчера она «словила» заголовок: «По сусекам поскребем». Как потом объяснить читателю, что имелось в виду совсем другое – «по сусекам», то есть по закрамам? Хоть плачь, хоть смейся с этими журналистами.

В свои сорок лет Надежда жила одна и всегда находилась в состоянии ожидания женского счастья. Последние семь лет это счастье не давала устроить мама, которая жила с ней в одной квартире. Именно семь лет назад мама вышла на пенсию и заболела. К больным маминым суставам добавилась сердечная недостаточность, потом болезнь Альцгеймера. Мама хорошо помнила прошлое: как была девчонкой, ходила на танцы с подружками, пела в хоре, а вот про сегодняшний день она не знала ничего.

– А это чья квартира? – Мамин вопрос был из разряда «любимых». Она могла задавать его через каждые пять минут. Вначале Надя терпеливо объясняла, что в этой квартире они с мамой живут всю свою жизнь. Здесь жил папа, пока не умер.

– А кто твой отец? – мама смотрела на нее такими невинными глазами, что Надежде хотелось выть. Ее терпение заканчивалось, тогда она просто отговаривалась.

– Мам, да какая тебе разница, чья это квартира и кто мой отец!

– Как же! – возражала мама. – Придут сюда чужие люди, нас попросят.

– Не придут!

Мама качала головой и замолкала. Надя понимала, что мать живет в какой-то другой реальности, где сбиты ориентиры времени и пространства, и с этим ничего поделать было нельзя. Выручала мамина младшая сестра, которая часто заходила в гости. Ее мама всегда узнавала и разговаривала подолгу.

– Намаешься ты с ней, Надюха, – как-то сказала тетка. – Несет всякую чушь, еле слушаю.

Тетка сама была не очень здоровым человеком, но вот от маминого старческого слабумия бог ее уберегал. Родственница была права: Наде скоро пришлось нанять сиделку, потому что оставлять маму дома одну было невозможно, да и просто опасно. Она все время открывала кран, а закрывать, конечно, забывала. Мама разрезала подушки и раскидывала содержимое по квартире.

– Это очень красиво, это праздник, – утверждала она.

Такой «праздник» Надежде не нравился совсем. Ночью мама будила дочь со словами:

– Доча-а-а, ты мне лекарство забыла дать!

– Мама, я все лекарства тебе дала. Ты выпила! Мама, иди спи, пожалуйста.

Но мать не сдавалась.

– Не помню я, чтобы ты мне лекарство давала. Ты забыла про меня, Надя! Дай таблетку!

Подобные ночные диалоги были постоянными. Надя убеждала себя, что мама не всегда была такой. В молодости она была очень веселой, красивой, никогда не жалела денег на дочку и баловала ее, но это было давно, а сегодняшний день был тяжелым и мучительным.

Днем мама прекрасно высыпалась, а корректор Метеля не могла работать – буквы перед глазами расплывались, рассыпались, теряли контрастность. Наде хотелось только одного – спать, спать и спать. Врач, которого она вызывала, только разводил руками.

– Дегенерация нервных клеток. Симптомы являются необратимыми. Если вам будет легче, то скажу, что те, кому за восемьдесят, болеют Альцгеймером в пятидесяти процентах случаев.

Наде было не легче. Когда мама через каждые пять минут спрашивала «сколько времени», это еще можно терпеть, а вот ночью терпение заканчивалось, и она грубила.

– Отстань ты от меня!

– Ты оставила открытым холодильник! Продукты могут испортиться. Надо относиться к продуктам бережно, я тебя этому учила. И ты мне опять забыла дать таблетку.

– Отстань со своим холодильником, мать! Отстань со своими таблетками!

Мать не отставала, и каждая ночь была почти пыткой.

На работе ответственный секретарь газеты Мила Сергеевна очень ей сочувствовала.

– Может, тебе оформить мать в дом престарелых?

– Что ты, это чудовищно!

– А жить с таким монстром – это не чудовищно? Ты себя в зеркало видела? Кожа да кости остались. Это у нас в стране дурацкая установка, что отдавать стариков в дома престарелых, мягко говоря, плохо и непорядочно. А если родительница съедает жизнь дочери? Когда ты последний раз в театр выходила? Ты ведь занимаешься только тем, что маму обслуживаешь – готовишь, подаешь, а мама в маразме закатывает истерики, бросается в тебя тарелками. Зачем ты кладешь на этот алтарь свою жизнь? Ты думаешь, что у тебя будет несколько жизней? А на личную жизнь ты махнула рукой? Мужчину привести, когда мама не в себе, просто невозможно!

– Я не знаю, что мне делать. Я не смогу отдать ее в дом престарелых.

Мила Сергеевна только махнула на Метелю рукой.

– Живи как знаешь. Только какая это жизнь? Жизни-то никакой нет!

А потом мама умерла. На поминках ее отозвала в сторону тетка и начала разговор изда-лека, но Надежда поняла сразу, куда она клонит.

– Болею я сильно, ночами не сплю. Боюсь, помру в одиночестве. Найдут потом через месяц тело в квартире.

– Да что ты говоришь, живи уже!

– Я чувствую, я знаю, что мне недолго осталось. Ноги плохо ходят, давеча до кухни полчаса шла. Я вот что думаю, Надюшка, племянница ты хорошая, добрая, вон как за матерью ухаживала, терпела ее чудачества. Может, мне к тебе переехать, а мою квартиру сдавать будем? Ты же знаешь, что я одинокая, квартиру потом тебе отпишу.

Надю такая перспектива совсем не устраивала. Мать она терпела из последних сил – мать все-таки. Но тетку она не вынесет, для нее это слишком большая нагрузка. «Боливар не вынесет двоих» – пришла ей на ум классическая фраза.

– Нет, не получится, уж не обижайся. У меня с матерью своей личной жизни не было. Дай мне в себя прийти! Может, я жизнь устрою наконец, замуж выйду.

– Да я и не говорю, что завтра к тебе перееду, – засуетилась тетка. – Ты подумай, подумай.

– Нет, нет и нет.

Надежда сейчас была настроена совсем на другую волну – личного счастья. Она мечтала, что встретит настоящего мужчину. За сорок лет она так и не обустроила личную территорию и верила в интернет-знакомства. У нее перед глазами был замечательный пример – журналист Юля Сорнева, которая по Интернету познакомилась с американцем Кевином, и он прилетел в Россию делать Юлии предложение, но что-то потом не сложилось у молодежи, потому что американец уехал в свою Америку, а Юлька опять одна и погружена с головой в работу.

Сорнева ей нравилась: журналист она толковый, грамотный и читать ее тексты – одно удовольствие, практически никаких правок. Надя как-то пыталась расспросить Юльку про бывшего жениха, но та разговор не поддержала, обронив:

– Там хорошо, где нас нет.

Что Юля имела в виду, Надя не поняла – то ли что Россия лучше Америки и ехать туда не стоит, то ли что свадьба не случилась и это к лучшему? Впрочем, что ей истории молодых девушек, у которых еще уйма времени, чтобы устроить личную жизнь, у Надежды этого времени нет, поэтому ей дорог каждый день, каждый час. Действовать нужно незамедлительно.

К фотографии, которую Надя планировала размещать в социальных сетях, она подошла ответственно – заказала фотосессию, сделала макияж. О потраченных деньгах не пожалела – с фотографии на нее смотрела милостивая блондинка с лукавой улыбкой, девушка непонятного возраста, но с загадкой. Метеля осталась довольна. Может, она наконец найдет свою вторую половинку? Ее фотографию заметил мужчина со статусом «вдовец», а также мужчина, «интересующийся женщинами», они писали письма и восхищались красавицей Надин.

Когда через месяц тетка позвонила Наде, то плакала в телефонную трубку:

– Надюшка, приезжай, совсем мне плохо. Я на тебя завещание написала. Помру скоро – квартиру мою продашь.

Если бы тетка знала, как нужны были Надежде деньги сейчас, немедленно! Ее личная жизнь могла бы наладиться!

Дома у тетки Метеля мгновенно оценила обстановку и приняла решение: родственницу нужно устроить в дом престарелых. Сработал ли совет от ответсека Милы Сергеевны или это была ее, Надина, убежденность – уже неважно. Решение казалось ей единственно правильным: у тетки не было больше родственников, и никто, кроме родной племянницы, не мог взять на себя ответственность за ее судьбу. Повторения кошмара, которым была ее жизнь с мамой, Надя не хотела. В соцзащите, куда она сразу обратилась, ей отказали.

– В дом престарелых попасть очень сложно, там очередь у них. Нужно, чтобы человек был одинокий совсем. А вы – родная племянница.

Представив, что ей придется жить с теткой, Надя впала в отчаяние, но решила не сдаваться. История с устройством тетки в дом престарелых имела дурной запах, словно кошачья моча, граничила с абсурдом, но была единственным выходом из сложившейся ситуации.

Все, что произошло потом, напоминало Наде дурной сон, она не любила об этом вспоминать, никогда не рассказывала коллегам, даже Миле Сергеевне, что были такие перипетии в ее жизни.

Надя Метеля встретила любовь – волшебное чувство, ради которого можно пойти на все. Она бы не раздумывая пожертвовала своей жизнью, если бы потребовалось защитить любимого. Любовь – это когда думаешь не о себе, а о другом, ради настоящей любви человек готов на любые жертвы, потому что она стоит этого. А если порой любовь толкает на низменные, необъяснимые поступки, всегда можно понять и простить. Любовь – это не только благородство души, но и пороки.

Когда в доме престарелых произошел пожар и материал поручили делать Юлии Сорневой, Метеля не на шутку испугалась. Ее некрасивая история могла выйти наружу, а этого нельзя было допустить.

Глава 7

Дружба, которая прекратилась, никогда собственно и не начиналась.

Публий

28 лет назад

Когда Прасковья Петровна Щукина увидела девочку-старушку, она обомлела. Про странную болезнь – прогеррию – женщина не слышала никогда. Уже потом Клара Андреевна рассказала, что это редкое генетическое заболевание, при котором наступает преждевременное старение. У девочки Саши был больной вид – большая голова с выступающими лобными буграми, которые нависали над маленьким заостренным лицом с клювовидным носом и оттопыренными ушами. Бровей и ресниц у девочки не было.

– Здравствуйте, – голос Саши звучал тоненько и жалобно.

– Доченька, это Прасковья Петровна. Она парикмахер, и я ее пригласила, чтобы сделать тебе стрижку.

– У меня волос мало.

– Ничего, тебе сделают аккуратную головку.

– Это ведь не больно, – утверждающе сказала Саша.

– Ну что ты, что ты, – засуетилась Щукина. – Меня можно звать просто тетя Паша.

– Паша? – удивилась девочка. – Ведь так мальчиков зовут!

– Ну, не только мальчиков. Я самая что ни на есть девочка, и зовут меня Прасковья, а если коротко, то Паша.

– Хорошо, тетя Паша. Давайте делать стрижку.

Щукина достала свой чемоданчик с принадлежностями, накинула салфетку на плечи и закружила ножницами над тонкими белыми волосиками Саши. Внимательным взглядом она отметила вялую и морщинистую кожу и ярко-голубые вены на голове. Родничок был большой и мягкий, как у младенца.

– Ну все, Сашенька. Теперь у тебя очень ухоженная головка, – у Прасковьи было ощущение, что она проникла в самую суть семейной тайны Гулько, и от этого было не по себе. Она, как дурочка, допытывалась у Клары Андреевны, почему та не работает. А ларчик просто открывался: какая может быть работа с таким больным ребенком? Как вообще сердце материнское не разорвется от боли, глядя на это маленькое беспомощное создание.

– Я пойду, Клара Андреевна. Спасибо за кофе. Если когда надо Сашеньку подстричь, зовите.

– Я пришел, Клара! – раздался в коридоре зычный мужской голос, и в квартиру словно заглянуло солнце – Сашенька засмеялась, Клара Андреевна засуетилась, и все это говорило о том, что пришедшему человеку очень обрадовались.

– Папа, папочка пришел!

– Соскучились, девчонки, а я за документами, которые дома оставил. – Мужчина кивнул в сторону Прасковьи: – Здравствуйте.

Потрясения в квартире Гулько продолжались. Мужчина словно сошел с киноафиши, так он был хорош собой и держался просто.

– Александр Гулько, – представился он.

– Паша, – она смутилась. – Прасковья.

– Какое у вас необычное имя!

Она не отдавала себе отчета в происходящем, потому что влюбилась мгновенно и безрассудно в мужчину, которого надо было обходить за километр. Прасковья Петровна ничего

не понимала и не слышала, кроме стука собственного сердца, но понимала, что произошло. Она ведь совсем не знала любви и замуж-то вышла, потому что все подруги вокруг твердили «надо». На судьбу женщина не жаловалась – муж работающий, сын послушный, только вот про «неземную любовь», которая бьет фонтаном чувств, она слышала от клиенток, слышала, но не верила. А вот сейчас влюбилась мгновенно, пронзительно, случайно, глупо.

– Это мой парикмахер, – слова Клары Андреевны звучали для Паши, словно в другом измерении. – Она Сашеньку подстригала.

– Ну, замечательно! А меня возьмете?

У разговорчивой Паши словно язык прилип к небу. Рот не открывался, как будто его залепило клеем. Она едва произнесла:

– Завтра время есть в два часа. Приходите.

Как она выходила из квартиры Гулько, Щукина не помнила. Ноги подкашивались, дыхание прерывалось.

«Ну ты с ума сошла, Прасковья Петровна, – одернула она себя. – В твои-то почти пенсионные годы влюбиться как девчонка». Казалось бы, прошло несколько мгновений, и вдруг – ощущение полного счастья, влюбленности, сердце буквально кипит. А еще будет завтра, и он обязательно придет и сядет в ее кресло, красивый и молодой. Прасковья прикоснется к его голове, и он поймет, какая женщина находится рядом. На следующий день на работе Паша просто летала.

– Что это с тобой? – спрашивали коллеги.

– Мой наставник сегодня в ударе, – ученица Раечка всегда восхищалась Прасковьей Петровной.

– Может ведь быть у человека просто хорошее настроение!

Паша постоянно перебирала в памяти вчерашний день – большую девочку, печальную Klarу Андреевну, красивую, ухоженную квартиру, вкусно пахнущий кофе – и еще раз убеждалась, что встретила нежданную любовь, Александра Гулько. Она как-то и не мечтала о взаимности, он был для нее словно далекая звезда, но ей хотелось хотя бы на короткий срок побыть в эйфории любви. Сердцу ведь не прикажешь, и если оно екает от мысли о нем, значит, так распорядилась судьба, а спорить с ней – дело бесперспективное. Прасковья не верила в случайные совпадения и была убеждена, что все в жизни рассчитано до тысячной доли миллиметра и секунды. Эта встреча – не странность и не игра судьбы, это выбор, и она, Паша, очень хочет им воспользоваться. Она ждала его ко времени прямо в коридоре и дождалась.

– Здравствуйте, Александр. Проходите, я вас жду.

Он улыбался приветливо, улыбался всем, а ей хотелось взять и унести его улыбку с собой.

– Какие у вас тут красивые девушки!

– Да у нас не парикмахерская, а выставка красавиц. Глаз не оторвать, – похвасталась она своими коллегами.

Паша колдовала над его головой, и от счастья ком подкатывал к горлу.

– Раечка, подай мне бальзам!

Рая, которая наблюдала за стрижкой поодаль, тут же оказалась рядом. Гулько, который блаженствовал в парикмахерском кресле, оживился.

– Это ваша дочка такая красавица?

– Это моя ученица. Ступай, Рая, спасибо.

– Нет-нет. Пусть она останется. Красивые девушки повышают настроение.

Ножницы Прасковьи зависли в воздухе. Вот уж чего сегодня она не ожидала, так того, что маленькая Райка переключит его внимание на себя. Паша видела, что ученица растерялась и не знает, уйти или остаться.

– Не уходите, Раечка. Вам, как ученице, нужны «подопытные»? Я готов в следующий раз стричься у вас.

Прасковья включила фен, чтобы не слышать, о чем он говорил с Райкой, а та кивала головой и краснела.

Стрижка долгожданного клиента закончилась, и Паша почувствовала себя опустошенной.

– Куда мне платить?

– Там на выходе администратор-кассир, – еле выдавила она.

– Раечка, вы меня должны проводить, – сказал Гулько тоном, не терпящим возражений.

Он решительно взял девушку за руку и двинулся к выходу, крикнув: – Спасибо, Паша. Вы замечательный мастер!

Райка вернулась на рабочее место буквально через пять минут и боязливо произнесла:

– Он расплатился, Прасковья Петровна, и вот, дополнительно лично вам премию просил передать.

– Оставь себе.

Ее эйфория куда-то исчезла, и одна мысль стучала в голове Прасковьи: ему было плевать на нее, на ее чувства. Он просто ее отверг. Это было больно, это было невозможно, это было обидно. Щукина прошла в подсобку и села за стол.

– Паша, может, тебе что надо? Ты плохо себя чувствуешь? – доставала ее обеспокоенная Райка.

– Уйди ты от меня! Я хочу побыть одна.

Райка пожала плечами, потому что такой свою наставницу она никогда не видела. Что с ней случилось? С утра настроение было превосходное – и на тебе. Райка спрятала в сумочку только что записанный номер телефона красавца-клиента. Она знала, что такие мужчины на дороге не валяются. Он успел шепнуть, что зовут его Александр, и просил позвонить завтра в три. Райка выполнит его просьбу с удовольствием. Такой шанс упускать нельзя! Раиса была девушкой сообразительной, она училась в ПТУ, жила в общежитии, мечтала стать настоящим мастером, ловила каждое слово и жест Прасковьи, но для того, чтобы выжить, состояться, удержаться на плаву, протекция уважаемого мужчины ей не мешает. И откуда его знает Щукина? Райка снова вернулась в подсобку.

– Паша, может, чайку свежего заварить?

– Я сказала, уйди!

Паша тоскливо и растерянно смотрела в окно. Щукиной казалось, что где-то в душе у нее заработала кнопка, которая превращала любовь в ненависть. Она интуитивно понимала, что возникшим эмоциям нужно было как-то себя оправдать. Сейчас для нее ненависть – это тоже любовь, но со знаком минус, любовь, искалеченная обидой. Ненависть просто заменила собой любовь. Это был как раз тот самый случай, когда от любви до ненависти один шаг, причем очень короткий. Прасковья Щукина сделала его не задумываясь.

Глава 8

Ложь – естественное состояние любого человека, тем более журналиста.
А. Любимов

Наши дни

Юля Сорнева была недовольна своим визитом в дом престарелых. В чем проблема, она поняла не сразу, а только спустя какое-то время. Все дело в том, что тема возраста, старости ей казалась неинтересной. То, что в заведении был пожар, это, конечно, безобразие, жалко стариков, но кому нужно душить бабушку, если она сама еле двигается? На этот вопрос ответа у нее не было, и где его найти, Юлька знала точно: в кабинете у главреда Егора Петровича Заурского.

– Егор Петрович, ничего не получилось у меня, – заныла она.

– Интервью не будет? Не пугай меня, Сорнева. У тебя приступ профнепригодности?

– Она меня сделала.

– Кто кого?

– Да ваша Котенкова!

– С каких пор она моя? Выражайся яснее.

– Ну наша, общая, героиня моего интервью. Записала я ее ответы на вопросы. Материал будет, но только она меня все время укоряла, что у них трагедия, а мы ковыряемся в ее переживаниях, вместо того чтобы поддержать. Удручающая там обстановка, Егор Петрович. Да и кому нужно стариков убивать? Может, у вас какая ошибочка вышла?

– Нет у меня ошибок, Юля. Нельзя нам с ошибочками. – Заурский заглянул в свой блокнот. – Убитую звали Прасковья Петровна Щукина. Возраст у нее почтенный, бывший парикмахер, говорят, была когда-то модным мастером. Сын у нее есть, но где-то за границей обитает, координаты пока не нашли. Задушили бабушку поясом ее же халата. Произошло это в конце коридора, она зачем-то ночью там ходила.

– Может, на шум какой вышла, – предположила Юля.

– Все может быть. На шум, на дым, на запах гари – вариантов много. Тебе надо в это вникнуть. Следователя по делу зовут Алексей Сурин, он готов с тобой пообщаться. Ну а что касается старости, преклонного возраста, поверь, что это только старение физической оболочки, потому что душа всегда молода. Только тогда понимаешь, что нереализованных в прошлом возможностей все больше, а тех, которые еще можно реализовать, все меньше.

– Ну вы-то тут при чем, Егор Петрович. Возраст – это не про вас!

– Знаешь, жизнь у всех разная, кто-то не может угадать ее с семи нот, кто-то угадал с одной. От кого-то в тридцать лет осталась только страница в «Фейсбуке», а кто-то опрокинет рюмку за свое столетие. Считай, что возраст – понятие философское. Стареть грустно, но это единственная возможность прожить долго. Скажи, неужели так на тебя Антонина Михайловна подействовала?

– И она тоже, и обстановка, но благодаря ее непримиримой позиции у меня идея появилась!

– Вот это ближе к теме. Выкладывай!

Через час журналиста Юлию Сорневу не узнали бы знакомые и близкие: на ней был темный парик с короткой стрижкой, в глазах – цветные линзы.

– Хороша я, хороша, – она разглядывала себя в зеркало и осталась довольна. Конечно, если тебе помогают стилисты, как в шоу одного из телеканалов, когда Стоцкая переодевалась в Киркорова, это совсем другое дело. Но для Юльки и этого было достаточно. В таком обличье

она пришла устраиваться на работу санитаркой в дом престарелых. Она хорошо запомнила, как Котенкова сказала ей про кадровые проблемы – отсутствие санитарок. Так почему бы не помочь дому престарелых?!

Старшая медсестра придирчиво оглядела ее с головы до ног.

– Работа, между прочим, тяжелая.

– Да мне бы зацепиться только.

– Здесь цепляться не за кого – все еле на ногах стоят, – засмеялась женщина, довольная своей шуткой – Заявление пиши. Документы с собой?

– Справка об освобождении, – пискнула Юлька, снабженная главредом почти настоящей справкой.

– Так, Юлия Мухина, – старшая медсестра внимательно изучала бумагу. – А сидела за что?

– Статья сто пятьдесят восемь, кража. Шесть месяцев колонии.

– Ну, это немного, – тоном знатока сказала медсестра. – У нас тебе после колонии не лучше покажется.

– Это почему?

– Да потому! Без объяснений. На работу тебя возьмут, потому что зарплата тут копеечная, а работа грязная.

– Мне работа очень нужна.

– Ну и хорошо, значит, договорились. Заявление сейчас твое подпишу у начальства. Завтра можно выходить на работу. Придешь к восьми утра, я тебе все покажу: и ведра, и тряпки, и скажу, что делать.

Ну что же, первый этап прошел без сбоев, и называлась эта Юлькина игра «Журналист меняет профессию». Метод далеко не нов, в журналистской среде популярен. Юлька периодически читала, что журналисты перевоплощаются в бомжей и стюардесс, официанток и проституток, учителей и стриптизерш. Автору перевоплощения позволено многое в его свободном плавании по нивам другой специальности, и все для того, чтобы проникнуть в самую суть, рассказать о давно известном по-новому и высказать собственное мнение об «освоенной профессии». Юлька никогда не входила «в чужую роль», не было в этом необходимости, а когда она появилась, то приняла решение, ни секунды не сомневаясь. Более того, вникать в тонкости ремесла санитарки здесь не было необходимости, вникать нужно будет в атмосферу дома престарелых, знакомиться с людьми, подбираться к тайне убийства бывшего парикмахера Щукиной и, конечно, собирать материал для газетной статьи. Главред Заурский вначале засомневался в ее идее.

– Ну ладно, пойдешь ты туда санитаркой работать, оформим тебе на работе отпуск на две недели. А зачем придумывать со справкой об освобождении? Ложь рождает ложь.

– Егор Петрович, как вы не понимаете! Кому могут довериться нечестные граждане? Да только тому, кто сам нечист и нечестен. Раз я приду со справкой из колонии, значит, мне можно доверять сомнительные дела.

– А если тебя раскусят, девочка моя? Я себе этого не прощу.

– Да о чем вы говорите! Я не проколюсь на мелочах, работать буду хорошо, мыть чисто. Да они за меня держаться, знаете, как будут! А я все смогу услышать своими ушами, увидеть своими глазами. Вы же нас этому учите. Только справку мне помогите сделать.

– Ой, Сорнева, вьешь ты из меня веревки.

Юлька поняла, что сделала почти невозможное – убедила Егора Петровича в своей правоте. Впрочем, если речь шла о работе, то Заурский всегда все понимал, даже «революцию».

– Со следователем Суриным не забудь встретиться, прежде чем на работу туда выйдешь.

– Не сомневайтесь, встречусь. Только мы ведь не будем полиции «сливать» нашу идею?

– Не будем, не будем, – нахмурился Заурский. – Ты, Сорнева, мертвого уговоришь.

– Я же не для себя стараюсь, а для газеты, – выдвинула Юлька последний, убийственный, но очень действенный аргумент.

Утром следующего дня новоиспеченная санитарка дома престарелых Юлия Мухина надевала резиновые перчатки, приговаривая:

– Будет, будет трубочист чист, чист.

Мыть ей пришлось много – длинный коридор и все палаты на первом этаже. Пол был старый, в щелях и выбоинах.

– Завтрак, все на завтрак, – зычно раздалось с другого конца коридора.

Юлька, которая мыла пол, вдруг увидела много старческих ног, дряблых, в стоптанных тапочках, на некоторых из которых привязаны резинки. Ноги неуверенно и вяло двигались к столовой.

– Новенькая, что ли? – рядом с ней остановился пожилой мужчина.

– Да я новенькая санитарка. Меня Юлей зовут. Я теперь здесь работаю.

– А меня – Петр Петрович.

– Очень приятно.

– Да приятного мало, что со стариков взять. Бесплезные мы люди. Едим, спим, да и вся работа.

– Вы свое уже отработали, Петр Петрович.

– Вот я и говорю, бесплезные мы люди. Расстрелять нас всех надо. Или поджечь. Надо было спалить к черту весь этот дом вместе с его обитателями. Нет ведь, потушили огонь. Кто их просил? Здесь все уже давно хотят богу душу отдать. Даже огонь их не берет.

Старик погрозил кому-то кулаком и пошел дальше по коридору.

Юлька даже перестала тереть шваброй пол. Ей в голову не приходило, что кто-то не хочет жить и говорит об этом просто и свободно. Да уж, нравы в этом доме престарелых!

– У тебя еще двадцать лежачих, – произнесла медсестра, проходя мимо.

– Каких лежачих? – не поняла Юлька.

– Самых обыкновенных. Подойдешь ко мне на пост, я расскажу. Меня зовут Кристина.

Как оказалось, в обязанности санитарки входило не только мытье полов, но и смена памперсов лежачим, были и такие жители дома престарелых. О том, что нужно менять памперсы, Юлю никто не предупредил.

– Памперсы я тебе выдам, номера палат скажу. Сильно не напрягайся, старики лежачие, претензий предъявлять не будут. Да и жить им осталось недолго.

Юля взяла упаковку памперсов и подумала о том, что здесь все пропитано ненавистью к окружающему – к возрасту, работе, друг к другу. В этой сероводородной атмосфере долго жить нельзя.

Глава 9

Любовь – не картошка, не выкинешь в окошко.
Поговорка

Наши дни

С самого утра Надя Метеля ждала ответсека Милу Сергеевну. Все вчерашние газетные материалы были вычитаны, и, как всегда, без казуса не обошлось. Никак не хотят журналисты полюбить русский язык, да ладно полюбить – знать. Вот куда это годится – очерк о ветеране получился хороший, но что делать с таким журналистским утверждением: «Еще при жизни он поражал своим удивительным долголетием». Песня, да и только! Если бы Метеля не была серьезным человеком, она бы хохотала над каждым журналистским текстом, а так приходилось разбираться.

– Вадик! Это что ты имел в виду? – она обратилась к автору Вадиму Тимофееву. – Ты хоть сам понял, что написал?

– Надежда! Что ты цепляешься?! Я человек талантливый, непредсказуемый, мог где-то и ошибиться. Наверное, слово «ветеран» через два «и» написал. Прости убогого! На то ты у нас и цензор нравов и текстов, только на тебя надежда!

Ругаться на Тимофеева, а тем более обижаться было совершенно невозможно. Метеля решила, что Мила Сергеевна у главреда, где же ей еще быть, и двинулась к кабинету начальства. В приемной было пусто, она подошла к двери и посмотрела в замочную скважину. То, что она при этом услышала, очень ей не понравилось. Заурский разговаривал с Юлей Сорневой, разговор этот был негромкий, и Метеля слышала только обрывки фраз:

– Дом престарелых... Пожар.... Следствие...

Конечно, именно этого она и боялась. Юлька – умненькая девочка, крепкий журналист, и она сейчас будет готовить материал о происшествии в доме престарелых. Надежда знает, на что способна журналист Сорнева, для нее нет пределов в творчестве, она будет «рыть землю», включать фантазию, сопоставлять одни факты с другими, проводить параллели, работать сразу в нескольких плоскостях. Это вам не Вадик Тимофеев, она даже ни одной ошибки не сделает. Плохо, это было очень плохо для Надежды. В хаосе фактов Юлька сразу разглядит тот, что связан с Метелей, а этого допустить никак нельзя. Когда она выходила из приемной, у нее дрожали руки. Ну почему ей так не везет, почему ее опять тянет назад, в прошлое, как раз тогда, когда намечаются перемены в личной жизни?!

Надежду Метелю действительно накрыла «любовная волна». Она совсем недавно завязала интернет-знакомство и погрузилась в него с головой, безрассудно и без оглядки. Ее избранником стал Виктор Праденсон, менеджер из Лондона. Где-то в глубине души она сомневалась, что такой седовласый красавец мог обратить на нее внимание и влюбиться, но тексты его писем завораживали. Она, знающая толк в текстах, читающая десяток газетных статей в день, попала под очарование букв и слов, которые предназначались только ей одной, и в этом была вся суть. Ей не нужно было править здесь ошибки, искать несуразности, она просто отдавалась любовной магии текста, словно ее приворожили. Еще какое-то время назад Метеля и не думала, что можно вот так задыхаться от любви. События в письмах разворачивались стремительно.

«Моя королева, я смотрел на Ваши фотографии прекрасны, я буду увеличить его и положил его на моей стене в моей комнате кровати. Вы смотрите так молоды. Скажите мне, где вы получите красоты, мед? Ты как солнце так тепло, вы, как сахар, так сладко. Вы, как вы, и это причина, почему я люблю тебя! Мед, любовь, как золотой цепи, которая связывает наши сердца, и если вы когда-либо разорвать эту цепь, вам будет разорвать мое сердце навсегда,

потому что глубоко вниз в меня я уверен, что я возлюбил вас! Я люблю свою жизнь, потому что он дал мне вас я люблю тебя, потому что ты моя жизнь. Будет вы позволите мне отправить вам мою фотографию детей?»

Виктор писал, что овдовел и у него есть сын шести лет. Фотографии смеющегося мальчика Надя рассматривала долго, поставила в рамку у себя на столе и продолжала читать этот увлекательный роман в письмах.

«Здравствуйте красоты! Как ты себя чувствуешь сегодня? Спасибо за ваш вернуться обратно сообщение. Это дает мне мужества, что мои хорошие мечты уже приходят пройти. Я был женат до, но потерял жену в Автокатастрофа 4 лет назад. Ее душа пребудут в мире. Я хочу провести всю жизнь с кем-то, серьезная, заботы, доверия и Бог опасаясь. Я нахожу очень много тишины и спокойствия здесь. Я ненавижу лжецов мошенников, и кто-то, кто играет в игры, я ищу вторую половинку кто-то, кто может быть моим лучшим другом, любовником и партнером кто-то, что я могу сделать смеяться и сказать шутки и пойти в кино и держаться за руки. Надежда для чтения от вас скоро. Я люблю ходить в кино, или смотреть фильмы в моей комнате или кабина, я люблю плавание, слушать музыку и танцы для любого рода музыки, я пою, парусный спорт. Я семьи ориентированных человек, люблю детей и есть больше, но было бы лучше для вас, чтобы найти некоторые вещи для себя. Это очень важно для меня, чтобы построить жизнь стабильности, безопасности и возможности для специального человека, которого я надеюсь поделиться моей мысли, чувства, опытом, мечты и фантазии и предложить лучшие возможности для любого малыша, которые могли бы быть включены в моей жизни. Я действительно заинтересован в хотеть знать о том, что делает вас специальный человек, который ты сегодня, я хочу больше узнать о вашей семьи, вашей фона вашего жизненного опыта прошлых отношений, ваши цели и мечты, ваши интересы и все, что вы хотите сказать мне. Я даже хочу узнать о секретах, вы очень редко поделиться с кем-то! Так что давай и поделиться им все со мной, как я нахожусь здесь не для того, чтобы поговорить с вами о общие вещи, как вечеринки, погода. Я хочу, чтобы узнать о вас и то, что делает ваши сердца и души, как дружба, я хочу построить с вами, я хочу быть как никакой другой вы когда-нибудь совместно в или опытный. Эта дружба, которую я хочу построить с вами будут заполнены с веществом, качество, духовности, любви, верности и потенциал. Надежды услышать от вас скоро».

Разве можно устоять перед таким искушением и соблазном – роскошью текста, который каждой своей строкой нежно говорит о любви, берет вас за руки и ведет туда, откуда вам никогда не вернуться? Вы знаете это и все равно идете на его зов!

«Моя королева, я просто не могу получить вас, я действительно хочу быть рядом с вами. У меня проблемы сдачи мои мысли в слова, так что вам придется пройти со мной через это. Я продолжаю думать о будущем, о жизни, и то, что я хочу от него. Я продолжаю думать о нас. Я продолжаю думать об этих вещах, и я понимаю, что они идут рука об руку. Я хочу, чтобы стареть с вами. Я хочу пройти через новые дома, выбирая тот, который будет только право для нас. Я хочу видеть вас ходить вокруг нашего дома в большой футболку с ваши волосы вниз и поймать меня глядя на как великолепный Вы находитесь. Я хочу вас забирают крышки от меня ночью, и тогда я должен получить еще ближе, если это возможно, для вас, чтобы сохранить тепло. Я хочу захватят ваше дыхание каждый раз, когда я говорю «Привет», потому что вы знаете, это идет от сердца. Я хочу любить тебя и быть с вами, по крайней мере навсегда или немного дольше, чем навсегда. Как прошел день? Люблю тебя всегда».

Надежде казалось, что компьютер буквально кипит от их переписки. Она влюбилась, она потеряла голову и ничего не могла с этим поделать! Единственным лекарством от нахлынувшего чувства были письма, которые он писал каждый день. Она отвечала, он снова писал, и эта невидимая связь становилась все крепче и крепче. Все было, как в песне – «она влюбилась в него без памяти, оставив разум взаперти». Собственно, взаперти долго была она сама, ее душа. Ее жизнь очень долго зависела от большой мамы, надоедливой тетки, различных обсто-

ятельств, которые не давали возможности побыть просто женщиной. А здесь она сразу возведена в королевы. Какая женщина, скажите, откажется быть королевой хотя бы на час, хотя бы на миг? События, которые могли развернуться после подслушанного ею разговора в приемной главреда, запросто могли свергнуть ее с королевского пьедестала. А какая женщина захочет вернуться в служанки? Вечерами, засыпая, Надя мечтала, как они встретятся. У нее не было реальной картинки, прилетит ли он к ней в Сибирь из Лондона или ей надо будет лететь к берегам Темзы? Она мечтала о встрече, он и она – все остальные детали не имели значения.

«Мед моя королева, Когда я прочитал ваш Email я думаю о тебе, мое сердце разбивается на куски и просто быстрый «Привет» от вас приносит осколки обратно. Пожалуйста всегда достаточно отдыхать и пить достаточно воды? Мед, расстояние значит так мало когда кто-то значит так много. И вы так много значат для меня! Как мы становимся старше вместе, как мы по-прежнему изменять с возрастом, есть одна вещь, которая никогда не изменится. Я буду всегда держать падение в любви с вами мой возлюбленный! Если я имел пенни за каждый раз, я думал о тебе, я бы до сих пор скучаю по тебе, но по крайней мере я бы достаточно богаты, чтобы прийти и посмотреть, вы мед в вашей стране, Ангел. Я никогда не буду любить никому, как я тебя люблю, и я молюсь, чтобы Бог открывает ваши духовные глаза, чтобы знать, что я никогда не сделать обещание, что я не намерен сохранить. Любовь не имеет смысла, это просто глубокой преданности кому-то внутри себя. Мед, приходите и быть моим маяком. Я буду, что вы хотите меня быть. Я дам вам все моя любовь всей моей жизни. Скучаю по тебе так... так... так... много меда. Жду ваших сообщений. Ваш человек».

Разве можно все это было отдать на растерзание даже пусть очень талантливой журналистке Юлии Сорневой?

– Все говорят, что ты меня искала! – Надя не заметила, как к ее столу подошла ответсек Мила Сергеевна. – А я к зубному ходила. Поисточила зубы на работе, – она сама засмеялась над своей шуткой. – Вот тебе работку еще подкину, гороскоп вычитать. У меня, между прочим, одни бонусы на следующей неделе – удача и в любви, и в деньгах. Не зря зубы лечила, – она опять засмеялась. – Надежда, ты что такая смурная? Обидел кто? Опять Трофимов очередной шедевр наваял с тридцатью тремя ошибками?

– Да что вы творческого человека оскорбляете, – закричал из соседней комнаты Тимофеев. – Ну, не Пушкин я, не Пушкин, но тоже парень неплохой.

– Что случилось, Надя? Ты какая-то не такая сегодня. Зачем-то Юлька в отпуск уходит, вроде и не собиралась.

– Как в отпуск? А материал про дом престарелых?

– Так она сдала, скинула, говорит, на редакционную почту интервью с Антониной Котенковой. Главред уже смотрел, добро дал.

Надя подумала, что все это было странно. Ее тревога усилилась и была не беспредметной, когда человек не может соотнести возникающие у него переживания с конкретными объектами. Она точно знала, чего боится.

Глава 10

Женская ненависть, собственно, та же любовь, только пережившая направление.

Г. Гейне

28 лет назад

Прасковья болела редко, да что редко, практически никогда. Разве если болел сын Никитка, да и то в маленьком возрасте. В этот день, когда к ней подстригаться приходил Александр Гулько и не обратил на нее ни малейшего внимания как на женщину, а приударил за Райкой, она слегла. Муж хлопотал как мог вокруг нее и удивлялся:

– Что же это, Пашечка, с тобой случилось? Что болит?

– Мне отлежаться надо, голова болит, – нехотя сказала она.

«Больная голова» – это была, конечно, известная женская отмазка, обычно Прасковья ими не пользовалась – зачем придумывать и врать, когда в этом нет необходимости? Сегодня муж раздражал ее как никогда, ей не хотелось его видеть, и кроме того, ей действительно было плохо. У женщины было ощущение, что болит все тело, как будто из него уходили жизненные силы.

– Раз голова болит, оно, конечно, лежи, Паша, я сам себе ужин приготовлю. – Муж лукавил: стоит открыть холодильник, как ему на глаза попадет несколько вариантов ужина, но Прасковье даже не хотелось открывать рот, чтобы уличить его в лукавстве.

«Как же так произошло?» – спрашивала она себя. Столько лет прожила с мужем спокойно, мирно, считала, что у нее хорошая семья. Романтических сказок не было, но все было ровно, предсказуемо, и вдруг увидела какого-то негодяя и все пошло прахом. В том, что Гулько – негодяй, сомнений у нее сейчас не было. То, что он мило поболтал с ней, проявлял вежливость, она приняла за мужской интерес и была уверена, что завоюет его расположение. Тот факт, что мужчина женат, Прасковьей совершенно не учитывался и не смущал ее.

«Насильно мил не будешь, – сделала вывод она. – Надо было сегодня не плясать вокруг кресла при стрижке, а намазать его кремом для депиляции». Различные варианты коварных планов мести мелькали в ее сознании, и для нее это был способ самозащиты. Она не испытывала мук совести. Так иногда бывает, когда человек ослеплен внезапной любовью, ищет выход и находит, как ему кажется, надежную дорогу, которая на самом деле является скользкой и опасной. Она ненавидела и любила его одновременно, такой коктейль эмоций в «одном флаконе», так тоже бывает.

Когда Прасковья Петровна появилась на работе, она была спокойна и уверена, как капитан корабля, переживший смертельную бурю и сохраняющий самообладание. Она сказала себе, что больше не будет копаться в том, что произошло, и тревожиться о том, что еще не случилось.

– Паша, ты поправилась?

– Раечка, не переживай, я еще сто лет проживу и девяносто проработаю.

– Ну тыхватила, Паша, в такие-то годы ты не только ножницы не сможешь в руках держать, но и на ногах стоять.

– Откуда вам это известно, вы-то не доживете, милые мои, – отшучивалась она.

Щукина решила, что сейчас для нее существуют два главных жизненных направления: упрочить отношения с Кларой Андреевной и контролировать каждое действие ученицы Райки, которая последние дни ходит со счастливым выражением лица.

С Кларой Андреевной все было проще, она стала приходиться к Паше часто и перешла в разряд «постоянных клиенток», и всегда у женщин находилось время для личного общения. Более того, Прасковья была вовлечена в тайну семьи, она знала о неизлечимой болезни девочки

Сашеньки, но больше мастера домой не приглашали. Окольными путями Прасковья выпрашивала про Кларинового мужа, и оказывалось, что у него прибавилось работы – муниципальные торговые предприятия объединялись, и управление передавалось в надежные руки – Александру Гулько.

– Саша, он безотказный, сколько работы ни сваливают – он везет и везет, – вздыхала Клара. – Вот путевку обещал нам всем на юг взять, Сашеньке море полезно.

С Раей было сложнее – она замкнулась, словно улитка в раковине, но не зря Паша была ее наставницей. Щукина чувствовала, что Райска тайно встречается с Гулько, встречается. Это подсказывала ей интуиция, на которую она всегда полагалась и редко меняла свое мнение. Выход нашелся сам собой. Прасковья вдруг увидела, что Райка стала хуже выполнять работу. Поняв это, Прасковья поручала ученице работу еще более сложную, с которой та просто не справлялась. Стригла Рая долго, неаккуратно, нервничала, «косячила», а потом Паша беседовала с недовольным клиентом и все исправляла. Рая снова стригла, и Паша снова исправляла – такое психологическое давление. Уже на исходе второй недели ученица Рая, когда-то подававшая надежды, ощущала себя никчемной девочкой на побегушках. Прасковья Петровна держала себя ровно, и никому в голову не приходило, какие страсти бушевали в ее душе.

– Ничего у меня не получается, – расстроено каждый раз говорила Рая. Вроде так хорошо теорию учила, тренировалась на моделях, и словно кто-то сглазил, все из рук валится, ножницы не слушаются, а бритвенный станок не может делать ровные линии.

– Похоже, после практики тебе нужно другую парикмахерскую искать, – озабоченно сказала Прасковья.

– Пашечка, ты же обещала?!

– Ты тоже мне обещала стараться, а сама на работу еле живая приходишь, спишь на ходу. Девочка, я же твой наставник, а наставник – почти мать родная, даже ближе. Ты мне почему о своих проблемах не расскажешь? Чем тебе помочь?

– Да Паша, чем ты мне поможешь?! Я просто вляпалась в одну историю.

– Да знаю я, как эта история называется.

– Что ты знаешь? – испуганно спросила ученица.

– Господи, Райка, да я знаю сколько на свете прожила, я тебя как книгу читаю!

– И что говорит твоя книга?!

– Что дурочка ты, влюбилась, поверила мужским обещаниям. Что он тебе там говорил? Скоро, дорогая, надо только немного подождать!

Рая опустила голову.

– Да, в нашей жизни надо надеяться только на себя. Мужики поматросят и бросят. Ты же знаешь, что жена у него, дочка больная, никуда он от них не денется.

– А вы что, про него тоже догадались?!

– Поживешь с мое, Райка, будешь задачки про людей как орешки щелкать. В общем так, ученица, на сегодня рабочий день твой заканчивается, пошли в подсобку, там есть что выпить и чем закусить.

Выпитое вино подействовало на Раю, и она расплакалась навзрыд.

– Что делать, Паша?! Я ему поверила. Он сказал, что уедем из этого города, он скоро назначение получит в область.

– А что не в Москву? – хладнокровно спросила Щукина. – В Москву – оно лучше.

– Он говорил, что очень устал от семейных проблем, дочь-инвалид. Что с ней такое, не знаю, но он все время печалился по этому поводу.

– А ты его, несчастного, жалела!

– Я влюбилась, Пашечка. Он такой классный!

– Да я тебя, Райка, насквозь вижу: женатый мужчина сорит деньгами, запал на тебя. Конечно, это любовь!

– Любовь! Потому что он исчез уже как неделю и не звонит мне. А я себе места не нахожу. Вот и работа не клеится.

– Да они собирались на юг с семьей. Отдыхать.

– Как на юг? Ты ничего не путаешь?

– Не путаю, девочка, не путаю. Я точно это знаю, мне Клара Андреевна говорила.

– И что мне делать? Он что, меня бросил?

– Да с чего ты взяла? Он еще с тобой не наигрался. Приедет с юга отдохнувший, подарки тебе привезет. Только если ты его хочешь привязать, хочешь серьезных отношений, то послушай, что я тебе скажу: поставь его перед выбором – или ты, или жена. Тогда сразу будет понятно, как долго он около тебя задержится.

– А если он жену выберет?

– Пусть он определяется. Тебе, по крайней мере, понятно будет все.

– Ну что мне понятно будет! – вдруг уперлась Райка. – Сейчас хоть короткое счастье, да мое, а если я его припру с выбором да обломаюсь, что тогда?!

– Если тебе мои советы не нужны, то делай как знаешь. Только когда ты будешь плакать и просить тебя устроить на работу, одинокую, с ребенком, я тебе предложу бабок-пенсионерок стричь на дому за символическую плату.

Райка задумалась.

– А почему одинокую и с ребенком?

– Да потому, что такие дурочки, как ты, так обычно и заканчивают.

– Ну, может, ты и права. Только мне выяснять с ним отношения негде, не в общагу же его пригласить!

– Ну, это проще простого! У меня соседка с пятого этажа в отпуск уезжает, мне ключи обычно оставляет. Я цветы там поливаю и кота кормлю.

– И что?

– Ты тупая, что ли? Я тебе ключи от квартиры дам. В приличной квартире при хорошей обстановке и разговор хороший получится.

– Ой, Пашечка, спасибо тебе большое! Ты за меня и на работе переживаешь, и умуразуму учишь. Ты права, понастойчивей мне надо быть, порешительней, а то уехал на юг с семьей, а мне сообщить не удосужился. У меня его телефон прямой есть, не через секретаря. Дождусь, когда он вернется, и буду действовать.

– Ну вот и договорились!

Бутылка дешевого красного вина опустела, и Прасковья впервые за последние месяцы ощутила, что ее замысел начинает реализовываться. Она не обманула Раиску: она даст ей ключи от квартиры для любовной встречи, но обязательно сообщит об этой встрече жене и тоже даст ей ключи от квартиры. Пусть Кларочка, всегда мыслящая здраво и верящая дорогому муженьку, сама посмотрит в глаза своему благоверному и его полюбовнице. Ну что ж, со «стрижкой для особых случаев» она справилась. Сейчас остается только ждать, а ждать Паша умеет.

Глава 11

Спаленное долго пахнет.

Пословица

Наши дни

Директор дома престарелых Антонина Михайловна Котенкова в своей жизни мало чего боялась, разве что смерти, да и то как врач она понимала, что все люди смертны и страх смерти – это фактор, влияющий на наше здоровье. Чем спокойней люди воспринимают свою смертность, тем для них же лучше. Отношению к смерти она каждый день училась у обитателей своего дома и у персонала, который почти всегда знал, кому сколько осталось. В этом случае не перестилалось белье, открывалось окно и еда оставлялась на тумбочке. Антонина понимала, что делают это медсестры и санитарки не со злости, а замучились они – по одной медсестре на пятьдесят бабушек. Если близкие не хотят быть рядом с умирающими, то что говорить про санитарок, про остальной персонал, которые за свою работу получают смешную зарплату?! Вот и работают санитарками кто попало – бывшие зэчки, почти бомжихи и другие асоциальные элементы.

Отходят старики «в мир иной» чаще всего ночью или вечером и довольно мучительно. Здесь, в доме престарелых, давно искажено отношение к смерти: когда в палате постоянно меняются люди, что-то происходит в голове, и ты устаешь от этого. Санитарки просто надрываются физически вытаскивать тела и мыть их. Смерть уже не воспринимается ни как печальное событие, ни вообще как событие, – обыденная рабочая деталь. Слез ни у кого нет. Перед смертью все равны – известные актрисы, большие чиновники, продавщицы и балерины. Антонина знала точно, что стареть не просто страшно, а очень страшно. Нет, не изобрели еще лекарства от старости, и все мы с каждым часом приближаемся к порогу под названием «вечность». Это тяжело вдвойне, потому что старики и старухи – это не уважаемые люди, а отработанный и выброшенный на помойку материал, с которым не нужно считаться.

– Антонина Михайловна, к вам следовательно, – секретарь Вероника разговаривала громко, и ее было слышно за дверями приемной.

– Пусть заходит, Вероника. Мы договаривались о встрече.

Молодой человек в светлом костюме совсем был не похож на полицейского. Если бы встретила она его в доме престарелых, то решила бы, что он пришел навестить свою бабушку.

– Меня зовут Алексей Сурин.

– А отчество у вас есть?

– Есть. Алексей Александрович, но можно без отчества, просто Алексей.

– Нет, без отчества не пойдет. Вы же не кофе пришли ко мне пить, а по официальному, так сказать, поводу, поэтому будете для меня только Алексей Александрович. – Котенкова подумала о том, что парень совсем молод, неопытен. Наверное, как у нее, проблемы с кадрами. Скорее всего, парень доставляет массу неудобств своим старшим коллегам, вот его и засунули подальше, к старикам, к бесперспективному делу.

– Как вам удобнее, Антонина Михайловна.

– Кофе будете?

– Не откажусь.

Ну как же, откажутся разве нынешние молодые от дармовщинки! Но вслух она сказала ласково:

– Вероника, два кофе, пожалуйста. Мне со сливками.

Вероника мгновенно вплыла с подносом, на котором дымились две чашечки кофе.

– Ну, задавайте свои вопросы, Алексей Александрович, а то у меня скоро следующие посетители.

– Хлопотливая у вас работа, Антонина Александровна, но очень нужная. У меня бабушка сильно болела и умирала, я это на себе ощутил, каково это – ухаживать за стариками.

Ну вот, про бабушку она почти угадала.

– Антонина Михайловна, я хочу вас ознакомить с результатами экспертизы.

– Давайте, молодой человек, удивляйте!

– Мне кажется, Антонина Михайловна, вас, такого опытного руководителя, удивить чем-то невозможно. Возбуждено уголовное дело по факту умышленного поджога во вверенном вам доме-интернате, в результате которого десять человек погибли.

– Умышленного поджога? Я не ослышалась и вы не ошиблись?

– Нет, Антонина Михайловна, к сожалению, нет. В ходе расследования установлено, что очаг возгорания находился в том месте, где никаких предпосылок для возникновения огня не было, – на хозяйственном дворе.

– Н-у-у, – протянула Антонина. – Не томите, дальше-то что? Откуда огонь там взялся, привидений в доме нет, я проверяла лично, – пошутила она.

– А это значит, что огонь занесен извне.

– Здравствуйтесь, приехали! Нам сейчас силы и деньги нужны, чтобы здание восстанавливать, а вы мне – такой подарочек. Хотя у нас ветераны буйные бывают, но в ту ночь, как говорят медсестры, все спокойно спали.

– Значит, не все, Антонина Михайловна! На хозяйственном дворе найдена канистра, в которой находился бензин, и кто-то бензин поджег, огонь начал быстро распространяться, и загорелся коридор. У вас есть версии?

– Версии – это ваша прерогатива.

– Но вы знаете ситуацию изнутри, поэтому я и спрашиваю.

– Я точно знаю, что автоматическая пожарная сигнализация, которой оборудовано здание, находилась в исправном состоянии. Но, Алексей Александрович, я думаю, что поджог мог совершить каждый второй пациент.

– Каждый второй?

– Понимаете, наш контингент – это оставленные родными, брошенные старики, зачастую озлобленные. Сами понимаете, здоровья в таком возрасте нет, в том числе и психического. Они могут свои памперсы разорвать и раскидать по палате и многое другое сотворить, когда с головой не дружат.

– Но у вас же не психоневрологическая клиника!

– Это не меняет дела, и в том, и в другом случае пациенты – возрастные люди, а с возрастом происходят очень сильные поведенческие изменения, связанные с нарушением функций головного мозга. Отмирает у старых людей мозг, высыхает. Нам на курсах пример приводили: однорукий инвалид в Свердловской области застрелил двух сотрудников фонда социального страхования – был недоволен бюрократизмом государственной системы, после чего покончил с собой. Кстати, был с виду нормальным, активистом художественной самодеятельности, в хоре пел. Что у него в голове сработало – непонятно. Разбирайтесь, кто мог такое совершить. Я готова оказывать помощь следствию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.